

КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Д. Н. ШМЕЛЕВ

ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ
ПО РУССКОМУ
ЯЗЫКУ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2002

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 00-04-16150

Шмелев Д. Н.

Ш 71

Избранные труды по русскому языку / Вст. ст.
Л. П. Крысина. — М.: Языки славянской культуры,
2002. — 888 с. — (Классики отечественной филологии).

ISBN 5-94457-036-9

Сборник избранных работ акад. Д. Н. Шмелева представляет собою серию статей, объединенных общим функциональным подходом к языку.

Д. Н. Шмелев — видный филолог-русист, один из зачинателей Московской школы функциональной семантики и стилистики. В круг его научных интересов входили также проблемы синтаксиса, лингвистического анализа художественной речи, исторического языкознания. Специалисты отмечают, что многие идеи Д. Н. Шмелева не только не устарели, но и приобрели в последние годы особенно актуальное звучание (например, по вопросам функциональной стилистики, социологических аспектов функционирования языка).

К сожалению, многие работы Д. Н. Шмелева (в частности, большинство из включенных в сборник) представляют собою статьи, опубликованные в малотиражных и труднодоступных изданиях; в данном сборнике они впервые оказываются собранными под одной обложкой.

Работы Д. Н. Шмелева сгруппированы в настоящем сборнике по пяти разделам: «Лексикология и словообразование», «Семантика грамматики», «Синтаксис и стилистика», «Историческая лингвистика», «Художественная речь». В Приложении впервые публикуется художественная проза Д. Н. Шмелева: повесть «Трактат о вреде пьянства» и рассказ «Про дождь в апреле».

81.2Рус

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-036-9

9 785944 570369 >

© Шмелев Д. Н., 2002

© Крысин Л. П. Вступительная статья, 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

О Дмитрие Николаевиче Шмелёве (Л. П. Крысин)	8
--	---

Лексикология и словообразование

Семантические признаки слов	17
О переносных значениях слов	30
О типах лексических значений слова	37
Сочетаемость слов в русском языке	46
О третьем измерении лексики	60
Об одном случае активной аналогии в современном русском языке: (Существительные с суффиксом <i>-инк-а</i>)	72
О семантических изменениях в современном русском языке	85
О некоторых тенденциях развития современной русской лексики	104
Лексико-семантические изменения в современном русском языке	120
Введение к книге «Способы номинации в современном русском языке»	132
Из книги «Лексика современного русского литературного языка»	179
Вступление	179
Внешние и внутренние факторы семантического развития. Основные типы семантических изменений в современном русском языке	187
Стилистические изменения в лексике	238

Семантика грамматики

О значении вида в повелительном наклонении	271
--	-----

О некоторых особенностях употребления вопросительных местоимений и наречий в разговорной речи .	280
Стилистическое употребление форм лица в современном русском языке	289
Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке	311
К вопросу о «производных» служебных частях речи и междометиях	336

Синтаксис и стилистика

Несколько замечаний к построению синтаксической теории	353
О значении синтаксических единиц	368
О синтаксической членимости предложения	376
Словосочетание и предикативность	388
Некоторые особенности согласования в русском языке	399
О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке	413
Некоторые вопросы развития и нормализации современного русского языка	439

Историческая лингвистика

Несколько замечаний о «первоначальных» и «переносных» значениях слова	463
Основные процессы в лексике современных восточнославянских языков	476
Несколько случаев лексико-семантической контаминации	494
Заемствования из прибалтийскофинских языков в старорусских памятниках письменности	501
К вопросу о наречиях на -ѣ в русском языке	517
Архаические формы в современном русском языке . .	531

Художественная речь

Литературный язык и язык художественной литературы	653
Об асимметричном параллелизме в поэтической речи	673
О поэтическом языке Лермонтова	687
Несколько замечаний о поэтике Фета	700

Приложение (Художественная проза)

Трактат о вреде пьянства	713
Про дождь в апреле	867
 Список трудов Дмитрия Николаевича Шмелева . .	877
Указатель имен	884

О Дмитрие Николаевиче Шмелёве

Работы, собранные в этой книге, принадлежат перу выдающегося ученого-русиста, академика Дмитрия Николаевича Шмелёва. Главными объектами его исследовательского внимания были лексикология, семантика и синтаксис русского языка, но он оставил глубокий след и в других областях русистики — как синхронной, так и диахронической.

Д. Н. Шмелёв родился 10 января 1926 года в Москве, в семье врачей: отец его был известным фтизиатром, действительным членом Академии медицинских наук, директором Института туберкулеза, мать — врачом-невропатологом. После окончания школы Дмитрий Николаевич поступил в Московский институт международных отношений (МИМО, теперь — МГИМО), но ушел оттуда после третьего курса и продолжил обучение на филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, где прошел и аспирантуру. После аспирантуры Дмитрий Николаевич некоторое время работал в Орехово-Зуевском педагогическом институте, а в 1955 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Значение и употребление формы повелительного наклонения в современном русском литературном языке». С 1958 года и до своей кончины 6 ноября 1993 года он работал в Институте русского языка (сначала — АН СССР, а с 1991 года — РАН), где в 1969 году защитил докторскую диссертацию «Проблемы семантического анализа лексики» (позднее она была издана в виде монографии под тем же названием). В течение последних двадцати с лишним лет своей жизни он руководил отделом современного русского языка этого Института. В 1984 году Д. Н. Шмелёв был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1987-м — действительным членом Академии.

Д. Н. Шмелёв — автор более ста научных работ, из них семь монографий, учебники и методические разработки по русскому языку для высших учебных заведений. Может показаться, что это не очень впечатляющий результат научной деятельности в течение сорока с лишним лет. Однако дело, конечно, не в количестве научной продукции, а в ее качестве. Качество же работ Д. Н. Шмелёва говорит само за себя.

В шестидесятые годы необычайной популярностью среди специалистов пользовалась его книга «Очерки по семасиологии русского языка» (1964). Секрет ее успеха был не только в том, что автор в сжатой форме критически обозрел достижения современной лексической семантики, но и главным образом в том, что он предложил на суд читателя-русиста собственное видение объекта, задач и методов семасиологии (хотя, как человек необычайно скромный, в первых же строках этой книги заявлял: «Настоящие очерки не представляют собой сколько-нибудь полного или систематического освещения основных сторон русской семасиологии»).

В «Очерках» тезис о сложности семантической структуры слова не просто декларирован: эта сложность наглядно продемонстрирована — путем анализа конкретного языкового материала. В этом исследовании показана тесная взаимосвязь лексико-семантических, грамматических и экспрессивно-стилистических свойств слова, выявлены характерные закономерности формирования переносных значений, выделены интегральные и дифференциальные компоненты лексического значения, которые обнаруживают себя при анализе парадигматических и синтагматических связей слов. Позднее автор добавит к этим двум измерениям связей слов еще одно — эпидигматическое, под которым он имел в виду ассоциативно-деривационные отношения между значениями слова.

Непосредственным и органичным продолжением «Очерков» явилась монография «Проблемы семантического анализа лексики» (1973). Читая эту книгу, обращаешь внимание прежде всего на самобытность лингвистическо-

го мышления ее автора, его несклонность следовать за мировыми авторитетами в области семантики. К этому времени были опубликованы и широко известны и работы Н. Хомского, и труды представителей структурной и порождающей семантики. Однако своей целью Д. Н. Шмелев считал изложение собственного взгляда на проблемы, связанные с изучением лексических значений, замечая (в предисловии к книге), что «учет этих исследований (по генеративной семантике. — А. К.), по-видимому, позволил бы уточнить отдельные формулировки, а также, может быть, изменил бы характер освещения отдельных фактов, однако, по-видимому, не повлиял бы сколько-нибудь существенно на основные положения предлагаемой работы».

Столь же целен был Д. Н. Шмелев и в изложении проблем, связанных с историческими изменениями в семантике слова. Это можно видеть, например, в принадлежащих его перу главах коллективной монографии «Русский язык и советское общество» (1968, кн. 1), в исследованиях, посвященных изучению архаической лексики, самого механизма архаизации слова, а также социально и стилистически обусловленного процесса «возрождения» архаизмов в речи, и в статьях о семантических изменениях в лексике древнерусского языка.

Самобытность Д. Н. Шмелева как ученого проявлялась и в других его работах. А он был исследователем необычайно широкого диапазона и редкостной эрудиции. Его труды в области теории языкознания, синтаксиса, стилистики русского языка, анализа художественного текста — такие, как *Слово и образ* (1964), *Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке* (1976), *Русский язык в его функциональных разновидностях* (1977) и другие, — отличаются глубиной и оригинальностью высказанных в них идей. Как один из основателей Московской школы функционально-стилистических исследований Д. Н. Шмелёв разработал всесторонне обоснованную и непротиворечивую классификацию функциональных разновидностей русского языка. Серия его работ, посвященная характеристике прямых и непрямых функ-

ций синтаксических конструкций, сыграла важную роль в развитии современной синтаксической теории.

Под научным руководством Д. Н. Шмелёва и при его непосредственном участии был создан ряд коллективных исследований по современному русскому языку, хорошо известных специалистам: *Развитие лексики современного русского языка* (1965), *Социально-лингвистические исследования* (1976), *Способы номинации в современном русском языке* (1982), *Городское просторечие* (1984), *Разновидности городской устной речи* (1988), *Русский язык в его функционировании* (1993) и др.

Д. Н. Шмелёв известен и как крупный специалист в области истории русского языка. Он был главным редактором *Словаря русского языка XI—XVII вв.*, а в последние годы жизни увлекся идеей *Исторического словаря современного русского языка* — словаря совершенно нового типа, не известного русской лексикографии, — и вместе с небольшой группой сотрудников начал работу над этим словарем.

Педагогическая деятельность Д. Н. Шмелёва была чрезвычайно разнообразной. Им были созданы учебник (*Современный русский язык: Лексика*, 1977) и программы по современному русскому языку, принятые в качестве базовых для филологических факультетов вузов, разработаны методические указания к преподаванию студентам лексикологии русского языка. В течение нескольких десятилетий он читал лекции по лексикологии и семантике в Московском педагогическом институте (ныне Московский педагогический государственный университет) и на факультетах повышения квалификации преподавателей русского языка. Его лекции отличались глубиной мысли, богатством и свежестью анализируемого языкового материала, ясностью изложения.

Д. Н. Шмелёв воспитал несколько поколений ученых, ныне активно работающих в науке.

Дмитрий Николаевич воплощал в себе лучшие черты русского интеллигента: неподражительность мысли, глубокую культуру, внутреннюю свободу. Он был человек несуетный, знавший толк в истинных, а не мнимых ценностях.

Никогда и ни в чем он не искал личной выгоды, не добивался привилегий и, умея отстаивать интересы коллектива, которым руководил, совершенно искренне, не рисуясь, забывал о себе.

Были у Дмитрия Николаевича и «внелингвистические» увлечения. Он прекрасно знал архитектуру, очень любил русский Север и в молодости вместе со своим другом Л. Ю. Максимовым (известным русистом и педагогом) немало походил пешком по старым северным городам. Был он и высококлассным, почти профессиональным фотографом — об этом свидетельствуют сделанные им и сохранившиеся фотопейзажи и фотопортреты. Стихи, которые Дмитрий Николаевич писал как бы «для себя», не рассчитывая на их публикацию (небольшой сборничек избранных стихотворений вышел в 1998 году), свидетельствуют, что он был талантлив и как стихотворец:

Ощуаю всё явственной
Я присутствие близких,
Словно в грамоте дарственной
Были выданы списки.

Как же мало дослушано
От покинувших мир наш.
Столько вздора досужего,
Что провалов не минешь.

А теперь с безответными
К ним словами стремиться...
Но как облако светлое,
Проплывают их лица.

В настоящем сборнике публикуются повесть «Трактат о вреде пьянства» и рассказ «Про дождь в апреле», дающие представление о Д. Н. Шмелеве как о прозаике.

Издание книги избранных научных трудов Дмитрия Николаевича Шмелёва — благое и полезное дело. Многие его работы давно стали библиографической редкостью, иные опубликованы в труднодоступных изданиях. Собранные теперь под одной обложкой, они обретут новую жизнь, и поколения молодых филологов смогут позна-

комиться с идеями и суждениями Дмитрия Николаевича, которые, надо надеяться, еще долго будут радовать внимательных читателей своею свежестью и глубиной.

Л. П. Крысин
Март 2001 г.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Семантические признаки слов*

Природа языкового знака, как и всякого иного знака, такова, что он всегда обозначает что-то находящееся вне его самого и в то же время его значение определяется не только этой внешней направленностью, но и соотношением с другими аналогичными знаками. Это делает необходимым рассмотрение языковых единиц в определенном парадигматическом ряду (чаще в целой системе парадигматических рядов). Установление же некоторых тождеств и различий, существующих между единицами данного ряда, т. е. того, в чем одна единица сходна с другой и чем она от нее отличается, предполагает выделение в них некоторых элементов, являющихся элементами сходства и различия.

Проблема парадигматических отношений внутри лексики и проблема семантической структуры лексических единиц, таким образом, тесно связаны друг с другом. Для того чтобы исследовать словарный состав языка, нужно, естественно, как-то расчленить его, выделить в нем определенные семантические группы слов. Для этого необходимо установить, что объединяет значения данных слов и что отличает их друг от друга, т. е. выделить в них как общие, так и различающие их признаки, а следовательно, разложить значения на некоторые компоненты.

Понятно, что такое разложение значения, в свою очередь, возможно только на основе известного сопоставления его с какими-то другими значениями, так как только на основе сопоставления обнаруживается комплексный характер самого значения.

Вопрос о системности лексики, о природе и степени этой системности много обсуждался в последнее время,

* Русский язык в национальной школе. 1968. № 5.

но еще далек от своего более или менее удовлетворительного разрешения. Между тем преимущества системного изучения различных групп лексики уже стали очевидными во многих конкретных исследованиях. Иллюстрацией могут служить исследования диалектной лексики. От внимания диалектологов, пока они оставались в рамках фиксации изолированных словарных отличий, ускользали многие существенные черты лексико-семантического своеобразия изучаемых говоров. Все эти особенности могли быть обнаружены только при таком анализе лексики, который учитывал парадигматические связи между отдельными единицами определенных лексических групп, связи, определяющие собственное значение каждой из единиц.

Так, например, во многих русских говорах для обозначения «помещения для скота» используется слово *хлев*. Данное слово принадлежит и литературному языку. Ограничившись простой регистрацией распространения слова, мы могли бы установить, что какие-то говоры не отличаются в употреблении этого слова от литературного языка, в то время как в других с аналогичным значением употребляются другие слова, например, такие как *сарай*, *двор*, *пуня*, *омшанник* и т. д. Однако такого наблюдения было бы явно недостаточно, так как в любом говоре каждое обозначение находится в ряду некоторых других обозначений, с которыми оно объединено и которым оно противопоставлено по определенным семантическим признакам. Слово *хлев* может обозначать в говорах не только помещение для любого вида скота, но и помещения для определенных видов скота, а также холодные помещения в противопоставлении теплым (в других же говорах — наоборот), помещения определенных размеров, противопоставленные помещениям других размеров, и т. д.¹

Противопоставления по определенным признакам могут в различных говорах всячески варьироваться, охватывая различные единицы лексики, в том числе и внешне

¹ См.: В. Е. Гольдин. К методике отграничения соответствующих лексико-семантических групп // Очерки по русскому языку и стилистике. Саратов, 1967. С. 149.

тождественные единицам лексики литературного языка. Например, в разных говорах противопоставление «холодное помещение для скота» — «теплое помещение для скота» осуществляется при помощи таких пар слов, как *хлев* — *омшанник*, *двор* — *хлев*, *двор* — *омшанник* и т. п.² Совершенно ясно, что, отметив только сферу диалектного распространения слов *хлев*, *двор* и их приблизительных соответствий, мы бы не приступили еще к подлинному изучению лексико-семантических особенностей обследуемых говоров.

Приведенный здесь пример не без умысла взят из области сугубо «предметной» лексики. Идея «системности лексики» чаще всего иллюстрировалась анализом таких лексических групп, которые включают в себя слова с ярко выраженным соотносительным значением. Достаточно вспомнить десятки работ, в которых «системность лексики» и возможность компонентного анализа лексических единиц доказываются рассмотрением так называемых «терминов родства». Слова, относящиеся к данной группе, действительно однозначно разложимы на соотносительные друг с другом признаки, по которым они четко сопоставлены друг с другом, образуя в известном смысле подлинную микросистему. Наличие подобной микросистемы указывает на возможность существования и других лексических микросхем, но вряд ли само по себе может служить доказательством их реального существования, а тем более подтверждением общего тезиса о системности лексики.

В последние годы, однако, изучение лексики как системы значительно продвинулось вперед и теперь уже может опираться на целый ряд конкретных исследований. Вместе с тем следует отметить, что, по мнению некоторых исследователей, подлинно языковое значение обнаруживается только у некоторой части лексики (глаголы, качественные прилагательные, отвлеченные существительные и т. п.), тогда как другая ее часть («конкретная» лексика), состоящая прежде всего из огромного числа существительных с предметным значением, по существу, не подлежит собственно

² То же.

лингвистическому анализу. Эту мысль, в частности, настойчиво проводит Ю. Д. Апресян. В своей работе, посвященной семантике глагола, он среди прочих отличий структурной семантики от «традиционной» указывает следующее: «В задачи традиционной семантики входит описание значений каждого имеющегося в языке слова. При этом обычно не проводится различия между тем, что в некотором языке принадлежит его собственной системе, а что — искусственным языкам наук и других терминологических областей, пользующихся некоторыми средствами данного естественного языка»³. И далее: «В этом отношении отличие современной лингвистической семантики от традиционной состоит в том, что первая интересуется значениями далеко не всех слов»; «при семантическом анализе «конкретной» лексики не делается попытки дать исчерпывающее разложение каждого слова на элементарные семантические признаки. Для большинства конкретных существительных указываются лишь некоторые семантические категории («вещь», «человек», «животное», «одушевленность», «неодушевленность» и т. п.), а в крайнем случае семантическим кодом конкретного существительного может быть его порядковый номер в соответствующем словаре»⁴.

Как мы видели, именно применение некоторых принципов современной структурной лингвистики делает возможным подлинно семантическое изучение особенностей диалектной, в значительной части как раз «конкретной» лексики. В этом, в частности, и заключается значение этих принципов.

Нет, по-видимому, никаких оснований для того, чтобы при семантическом анализе одних слов стремиться к их «исчерпывающему разложению» на семантические компоненты, а при анализе других — заранее отказываться от таких попыток. Другое дело, что самые эти попытки приводят, как показывают многие примеры, в разных

³ Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967. С. 17.

⁴ Там же. С. 19.

случаях к разным результатам. Одна часть лексики оказывается более, другая — менее «системной», одни лексемы действительно допускают исчерпывающее разложение на элементарные семантические признаки, другие явно противостоят такому разложению. Однако граница между различными в этом отношении частями лексики не вполне совпадает с той границей, которую мы могли бы провести на основании априорного исключения из семантического анализа терминологической и «конкретной» лексики.

Возьмем фразу: *На холме возвышалась сосна*. Оба существительных в этой фразе имеют «конкретную» семантику. Однако нетрудно заметить, что, хотя и холм и сосна — это конкретные предметы, значения соответствующих слов не в одинаковой степени обусловлены «парадигматической прикрепленностью». Мы можем сказать о сосне, что это «вид дерева», так же как о холме, что это «вид возвышенности», но установление таких внешне как будто схожих родо-видовых отношений не должно вводить нас в заблуждение. Называя данную возвышенность *холмом*, мы основываемся на тех признаках (высота, форма, происхождение), которые определяют для нас лексическое содержание слова *холм* в сопоставлении с такими обозначениями, как *гора*, *бугор*, *скала*, *сопка*, *курган*, *насыпь* и под. В каких-то случаях мы можем протестовать, если кто-то в нашем присутствии назовет данную возвышенность *горой* или *курганом*, но вряд ли мы станем утверждать, что сами мы всегда вполне однозначно выбираем соответствующие обозначения. Что касается названий различных видов деревьев, то мы просто или знаем, или не знаем наименование дерева, о котором мы хотим что-то сообщить, и ясно, что, называя сосну *елью* или березу *осиной*, мы обнаружим просто незнание соответствующих реалий, а не какие-либо экспрессивные намерения. Переходные, промежуточные случаи здесь, конечно, являются исключением.

Характерно, что только слова первого типа могут толковаться одни при помощи других. Например, в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова слово *холм* определяется как «небольшая горка», а слово *бугор* как «небольшой

холм». С теоретической точки зрения, допустимость подобных толкований в лексикографических трудах довольно сомнительна⁵, однако вряд ли можно отрицать, что именно такого рода определениями мы чаще всего пользуемся в нашей повседневной речи. Вполне естественно, что *маленькая гора* и *холм* часто обозначают то же самое, между тем как *маленькая сосна* остается *сосной* и ясно, что эпитеты, определяющие различные признаки сосны, не делают соответствующие словосочетания синонимичными названиями других видов деревьев.

Таким образом, в так называемой конкретной лексике обнаруживаются существенные различия в отношении парадигматической организации различных групп слов. Некоторые из относящихся сюда единиц, так же как и большая часть глаголов, качественных прилагательных и существительных с абстрактным значением (т. е. слов, противопоставляемых обычно «конкретной» лексике в качестве слов с «собственно языковым» значением), входят в определенные лексико-семантические микросистемы, т. е. в какой-то степени *системно объединены*. Значение каждого из таких слов соизмеримо в известном плане с некоторыми другими значениями, так как противопоставлено им по более или менее определенным семантическим признакам.

Другие слова действительно находятся вне основных системных отношений, проявляющихся в лексике.

Нетрудно заметить, что чем больше слов отягощено индивидуальными семантическими признаками, тем прочнее его «предметные» связи, и, наоборот, чем регулярнее (в плане сопоставимости с другими словами) его семантическая структура, тем легче его лексическое значение отождествляется нами с соответствующим понятием.

⁵ Особенно если вспомнить о многочисленных «взаимных отсылках» при разных словах. Например, в цитированном словаре (так же, как и в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и в четырехтомном «Словаре русского языка») *скала* определяется как «каменный утес...», а *утес* как «отвесная скала».

Значения многих слов «конкретной» лексики настолько насыщены индивидуальными признаками, что являются в принципе несопоставимыми (по отдельным признакам) друг с другом. Поскольку можно считать, что денотативная функция оказывается для них на первом плане, они могут быть условно названы денотативами. В некоторых отношениях они подобны именам собственным.

Отсутствие собственно системных связей у денотативов не означает, что они не могут объединяться в определенные группы. Ср. названия различных растений, названия животных, названия механизмов и т. д. Однако объединение подобных слов происходит, как правило, не на основе того или иного их противопоставления друг другу по какому-то различительному признаку, а на основе наличия у них как раз только общего родового признака («растение», «животное», «орудие для...», «минерал» и т. п.). Поэтому тематические группы такого типа обычно не представляют собой каких-либо лексических «микросистем» в подлинном смысле слова.

Точно так же отсутствие собственно дифференциальных признаков у денотативов не означает, что их значения не включают в себя вообще никаких признаков. В таком случае мы вообще не могли бы признавать наличие значений у данных слов. Но эти значения характеризуются такой совокупностью признаков, которая, действительно, стоит вне собственно лингвистических измерений.

Разумеется, и здесь могут быть выделены и перечислены какие-то отдельные признаки. Мы можем, например, сказать, следуя «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, что *сосна* — это хвойное дерево с длинной хвоей и небольшими шишками», т. е. выделить как характерные признаки сосны, отличающие ее от других хвойных деревьев, длину хвои и величину шишек. Однако, очевидно, никак нельзя утверждать, что значение слова организуется именно этими признаками. Нетрудно заметить, кроме того, что, давая такое определение, мы характеризуем не столько значение слова, сколько самый предмет, причем опять-таки вряд ли можно утверждать,

что и наше представление о предмете формируется на основе именно этих или главным образом этих признаков.

По-другому обстоит дело со словами типа *река*, *холм* и т. п. Если мы скажем, что *река* — это «водоем определенной формы, обусловленной течением воды, относительно больших размеров, естественного происхождения», то мы перечислим такие признаки слова, которые парадигматически обусловлены, т. е. могут быть однозначно выделены как дифференциальные семантические признаки данного слова на основе его противопоставления рядам других слов, являющихся названиями водоемов.

Ср. соответствующие противопоставления:

По форме	По размеру	По происхождению
<i>озеро,</i>	<i>ручей,</i>	<i>пруд,</i>
<i>пруд</i>	<i>море</i>	<i>канал</i>
и т. д.	и т. д.	и т. д.

Указывая же различные признаки отдельных видов деревьев, мы, по существу, никак не можем представить их как признаки, конструирующие значения соответствующих слов. Понятно, что одни признаки могут быть более характерными, другие менее, одни более существенными, другие менее, но никакие из них нельзя интерпретировать как подлинно различительные признаки, поскольку значения всех этих слов опираются не на противопоставления по данным признакам, а как бы на всю их совокупность. Этим, в частности, и обусловлен тот факт, что в словарных толкованиях подобных слов, даже принадлежащих к одной и той же тематической группе, обычно указываются самые разнообразные, часто никак не соотносимые между собой признаки.

Вот, например, как толкуются слова, обозначающие виды деревьев в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка»: *клен* — «Дерево с широкими резными листьями»; *липа* — «Лиственное дерево из сем. липовых с густой кроной и душистыми медоносными цветками»; *пихта* — «Северное крупное хвойное дерево сем. сосновых, пирамидальной формы с мягкой плоской

хвоей»; *осина* — «Лиственное дерево из сем. ивовых с листьями на длинных черенках, очень легко приходящими в движение»: *дуб* — «Долголетнее лиственное дерево, приносящее желуди и обладающее крепкой древесиной»; *бук* — «Дерево из сем. ивовых с серой, с годами чернеющей корой, с мощной кроной и высоким стволом; то же, что черный тополь» и т.п.

Достаточно самого беглого взгляда на эти примеры, чтобы заметить полную несопоставимость выделяемых здесь признаков. Даже допуская, что в подобных толкованиях выделены действительно наиболее существенные признаки (или что такие признаки могут быть выделены в совершенных лексикографических трудах)⁶, мы никак не сможем признать их дифференциальными признаками.

Вместе с тем очевидно, что, поскольку мы говорим о значениях соответствующих слов (мы ведь не отрицаем того, что слова *яблык*, *сосна*, *чернильница* и т.п. имеют лексические значения), мы должны признать, что все те индивидуальные признаки, которые в своей совокупности отражают конкретные свойства предметов, и составляют то, что выступает как лексическое значение данных слов.

Всеми признается сложность лексики по сравнению с другими сторонами языка. Нет ничего удивительного в том, что и состав лексических единиц является гораздо более сложным, чем состав других единиц языка. Однако и там различные элементы могут играть неодинаковую роль. Интересно в этой связи обратиться прежде всего к фонологии, в которой как раз возникло и развивалось учение о дифференциальных признаках.

⁶ Следует отметить, что в ряде случаев некоторые признаки предмета находят и собственное языковое отражение, что никак не связано с тем, что они не являются парадигматически значимыми. Ср. более или менее устойчивое переносное употребление ряда слов, основанное именно на акцентировании отдельных свойств соответствующих предметов, отражение этих свойств во фразеологизмах, устойчивых сравнениях, вроде *белый (стройный)*, *как берега*; *трясется, как осина*, и т.п.

Так, в составе фонемы также могут быть обнаружены различные по своей роли признаки. А. А. Реформатский отмечает, что одни из признаков фонем «являются различительными (или дифференциальными), когда только по данному признаку какая-либо фонема отличается от другой...; другие признаки — не различительные, а лишь „наполняющие“ состав фонемы (интегральные), так как нет другой фонемы, прямо и однозначно противопоставленной по этому признаку (например, признак взрывности у русского [г] ввиду отсутствия фрикативных и носовых согласных того же места образования в русской фонетике)...»⁷.

Как мы видим, в значениях слов также обнаруживаются два вида признаков: одни из них являются дифференциальными, существенными для парадигматических противопоставлений, другие нерасчлененно (поскольку ими не обуславливаются собственно парадигматические противопоставления) «заполняют» лексическое содержание слов. Эти признаки могут быть названы интегральными и семантическими признаками.

Отличие денотативов от единиц других семантических типов заключается, таким образом, в том, что первым свойственны только интегральные элементы значения, в то время как для других единиц существенны дифференциальные элементы. Это не значит, что значения парадигматически противопоставленных слов не включают в себя интегральных признаков. Устанавливая парадигматические отношения между теми же словами *река*, *ручей*, *канал*, *озеро* и т. д., мы выделяем, естественно, в значениях этих слов не только дифференциальные элементы, но также и то общее, что их объединяет, а именно компонент «водоем», который (независимо от того, что самое слово *водоем* не является семантически неразложимым элементом — на это указывает и его морфологическая структура)

⁷ А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967. С. 212.

должен рассматриваться как нерасчлененный интегральный признак.

Было бы неправильно полагать, что между различными по своей семантической организации типами слов проходит вполне четкая и непреодолимая граница. Существуют такие группы слов, значения которых в основном определяются именно несопоставимыми друг с другом интегральными признаками, но для которых устойчивыми оказываются и определенные противопоставления, с чем связано потенциальное выделение в составе соответствующих значений тех или иных дифференциальных признаков. Ср. *вода* и *земля*, *небо* и *земля* и т.п. С такой ситуацией мы встречаемся не только при анализе «конкретной» лексики.

Слова с наиболее общими значениями оказываются близкими к денотативам в том отношении, что их значения в основном также определяются не дифференциальными в строгом смысле признаками; ср. значения слов *существовать*, *делать*, *перемещаться*, *живой*, *движение*, *вещество* и т.п. Важное их отличие от денотативов состоит в том, что самые эти значения часто «совпадают» с семантическими элементами, выделяемыми в других, более сложных значениях (*бежать*, *идти*, *ползти*... — это «перемещаться определенным способом»).

Значение слова *вещество* для нас столь же неразложимо на семантические элементы, как и значение слова *береза*, однако ясно, что эта «неразложимость» совсем иного рода, она обусловлена не отягощенностью слова индивидуальными, «предметными» признаками, а, напротив, полным отсутствием таких признаков, преобладающей сигнификативной функцией слова.

Поэтому, наряду с интегральными и дифференциальными семантическими признаками, есть основания различать категориальные семантические признаки, играющие совершенно особую роль в семантической организации лексики.

При необходимости весь словарный состав языка может быть представлен разбитым на определенные классы,

образуемые пересечением именно категориальных признаков. При этом интегральные признаки будут балластом, который наслаивается на отдельные единицы полученных классов и подклассов лексики, а дифференциальные признаки — тем связующим началом, которое определенным образом организует данные единицы внутри классов и подклассов. Следует иметь только в виду, что дифференциальные признаки по самой своей сущности имеют двойственную природу. Они могут основываться на отражении в лексике и самых общих логических категорий, как бы исчерпывая содержание противопоставляемых слов (ср. *большой* — *маленький*), и на отражении очень частных свойств конкретных предметов (ср. *хлев* — *сарай*). В первом случае они примыкают к категориальным признакам (*большой* — *маленький* — «признак размера»), во втором — не всегда даже вполне отчетливо вычленяются из комплекса интегральных признаков (*хлев* «помещение для содержания скота» — *сарай* «помещение для хранения имущества»).

Терминологический разнобой в обозначении элементов значений слов (ср. то синонимическое, то противоречивое употребление таких обозначений в разных работах, как «элементы значения», «компоненты смысла», «различительные элементы», «элементарные признаки», «дифференциальные признаки», «семантические множители») настолько велик, что вряд ли было бы желательно вводить без более подробных обоснований новые термины. Однако учитывать указанное различие весьма важно как при изложении теоретических положений, так и при конкретном исследовании различных групп лексики.

Нужно заметить в заключение, что описание системных связей, существующих в лексике, не может быть сколь-нибудь полным без учета как различных типов значений слов⁸, так и тех частных «значений», которые наряду с парадигматическим (синтагматическое, стилистическое, ас-

⁸ См.: Д. Н. Шмелев. О типах лексических значений слова // Проблемы современной филологии: Сб. ст. к семидесятилетию академика В. В. Виноградова. М., 1965. С. 288—292.

социативно-символическое «значения») образуют в своей совокупности то, что мы можем назвать семантическим содержанием слова, или его лексическим значением. Картина системных отношений в лексике осложняется и таким хорошо известным явлением, как полисемия.

О переносных значениях слов*

Разграничение многозначности и омонимии представляет собой не только теоретическую проблему, но имеет и существенное практическое значение. Любая фиксация лексического материала (прежде всего в словарях) требует определенного распределения значений слов, а для этого необходимо предварительно решить, когда перед нами о д н о слово с несколькими значениями, а когда эти значения должны быть отнесены к р а з н ы м словам, только совпадающим по форме (словам-двойникам, то есть омонимам).

В общем плане ответить на этот вопрос можно достаточно определенно. Если между лексическими значениями, выражаемыми одним звуковым комплексом, существует определенная смысловая связь, которая непосредственно ощущается говорящими, мы имеем дело с многозначным словом. В случае же, когда между значениями нет никакой связи и они не имеют каких-либо общих элементов смысла, речь должна идти об омонимии.

Однако во многих случаях решение вопроса о том, следует ли те или иные значения рассматривать как значения одного слова или же как значения слов-омонимов, вызывает у лингвистов сомнения и разногласия. Об этом свидетельствуют хотя бы данные современных толковых словарей русского языка, в которых значения целого ряда слов трактуются в этом отношении по-разному. Причина таких расхождений заключается прежде всего в том, что сама связь между значениями может иметь различный характер. Поскольку одним из основных источников омонимии признается «распад», «расщепление» многозначности,

* Русская речь. 1978. № 3.